Николай Николай Чудотворец (греческое Νικόλαος, «побеждающий народ»), Никола (древнерусская форма, удержанная старообрядческой и фольклорной традицией); Николай Угодник, Николай Мирликийский, в христианских преданиях святой из разряда так называемых святителей (церковных иерархов), образ которого подвергся сильной фольклорной мифологизации, послужив соединительным звеном между дохристианскими персонификациями благодетельных сил и новейшей детской рождественско-новогодней «мифологией» (Санта Клаус искажение голландского Синте Клаас, Sinte Klaas, «святой Н.»; его модификации английский Father Christmas, «батюшка Рождество», Дед Мороз).

Время жизни Н. предание относит к первой половине IV в., самое раннее житие о нём на полтысячелетия моложе; таким образом, Н. с самого начала вступает в литературу как персонаж далёких времён, в котором типические черты христианской святости (и специально идеального священника как «ревнителя» о вере и «печальника» о людях) полностью заслонили всё индивидуальное. Предания рассказывают, как уже в младенчестве Н. являет себя образцом аскетической добродетели, до сумерек воздерживаясь от материнской груди по средам и пятницам, а по более поздней версии обнаруживая чудесную способность стоять сразу же после рождения (распространённый мотив русской иконографии).

Получив родительское наследство, Н. раздаёт его нуждающимся; особенно популярна история о впавшем в нищету отце трех дочерей, уже готовом с отчаяния сделать из них блудниц, которому Н. тайно подбрасывает в окно три узелка с золотом на приданое каждой (в связи с этим эпизодом, где Н. фигурирует как неведомый благодетель, на Западе возник обычай потихоньку подкладывать детям подарки в чулок от лица Санта Клауса). Избрание Н. епископом города Мира в Ликии (юго-запад Малой Азии; отсюда обозначение Н. как «Мирликийского») сопровождается знамениями и видениями; в одном из них Иисус Христос и дева Мария подносят Н. знаки его сана соответственно евангелие и епископское облачение омофор (именно с такими знаками отличия Н. чаще всего изображается на русских иконах).

Ко временам правления римского императора Константина отнесены многочисленные рассказы о заступничестве Н. за несправедливо осуждённых; явившись на место казни трёх горожан Миры, Н. выхватывает меч из рук палача и всенародно обличает подкупленного судью; когда же под неправедный приговор подпадают три полководца в Константинополе, Н., находящийся в это время в своём городе, вдали от дворца, является императору во сне и разъясняет ему его ошибку. Аналогичным образом он во время бесхлебицы снится некоему хлеботорговцу и властно велит ему везти свой товар в

Миру.

Легенды рассказывают о творимых Н. (как при жизни, так и после кончины) многочисленных чудесах избавления мореплавателей и утопающих (характерная для Н. власть над морской стихией впервые проявляется во время его паломничества в Палестину), а также вызволений заключённых и пленников. Фольклор, в котором образ Н. занимает большое место (он персонаж многих русских сказок), добавляет к этому гротескные мотивы оживления школяров, разрезанных на части злым владельцем постоялого двора, или даже больных, расчленяемых самим Н. или его спутником с целью лечения (эпизод, засвидетельствованный в греческой мифологии применительно к Асклепию). Греческий моряк видел в Н. помощника и защитника в повседневном труде (он считался патроном покровителем моряков, а также школяров), русский крестьянин близкого, участливого, не боящегося замарать своих риз соучастника забот; культ его на Руси вплоть до XVIII в. был низовым, плебейским, сливаясь на периферии с реликтами языческих медвежьих культов.В отличие от католической иконографии, в которой Н. безличный персонаж, выражающий холодноватое достоинство епископского сана и опознаваемый лишь по атрибутам и житийным эпизодам, православная традиция знает очень характерный «портретный» облик Н. (высокий лоб, мягко круглящиеся линии лика, заботливый взгляд «пастыря», в котором преобладает то мягкость, то строгая проницательность).

Литература :
Аничков Е. В., Микола-Угодник и св. Николай, «Записки нео-филологического общества», 1892, в. 2, № 2;
Anrich G. (ed.), Hagios Nikolaos, v. 1 2, Lpz. B., 1913 1917;
Meisen K., Nikolauskult und Nikolausbrauch im Abendlande, Dusseldorf, 1931.C. C. Аверинцев.